

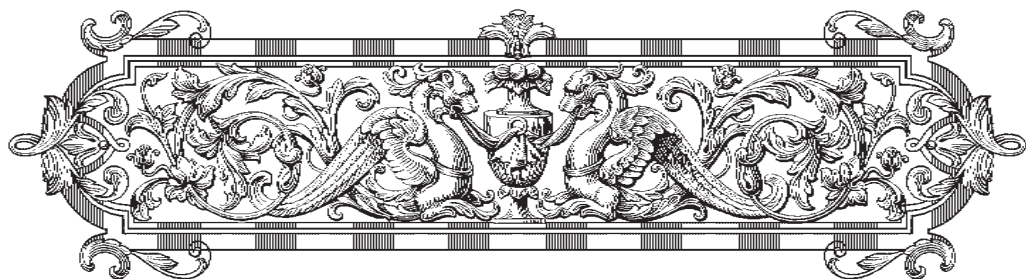
МУДРОСТЬ ВЕКОВ

ИГОРЬ ГАРИН

МУДРЕЦЫ ДРЕВНОСТИ И ТВОРЦЫ РЕЛИГИЙ

Харьков
«ФОЛІО»
2020

МУДРЕЦ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Возможность написать это предисловие — для меня огромная честь, ибо под псевдонимом Игорь Гарин трудится исключительно многоликий человек: всемирно известный ученый, работающий на стыке физики и медицины, но при этом — любимый публицист-аналитик сотен тысяч читателей в Украине и за рубежом, столь же плодотворный, сколь и многогранный.

Его книги открыты всем желающим, а его жизнь — почти герметична: замкнутость, самоизоляция, отсутствие связей со «сливками общества», отказ давать интервью, даже отвечать на письма читателей.

Дух его книг противоречит стилю его жизни, больше напоминающему работу компьютера, чем человека во плоти. Иногда он интригует знакомых заявлением, будто никогда не писал книг, а просто создал компьютерную программу, способную перерабатывать грандиозную информацию, Big Data, компилируя ее в виде новой книги. Некоторые верят этому, потому что написать между делом, — а его основная деятельность не связана с писательским трудом, — написать в «свободное от работы время» 145 книг, объемлющих мировую культуру, книг, основанных на десятках тысяч источников, «нормальному» человеку представляется нереальным. Но Игорь Гарин и не является «нормальным», о чем свидетельствует безграничная работоспособность.

Трудоголию часто объясняют творческой увлеченностью, но если человеку дан редкостный дар говорить новое людям, то он становится преступником, растрачивая ограниченную жизненную энергию на иллюзии и химеры. Одна из любимых максим Игоря Гарина: «Судьба бережет тех, кого она лишила славы».

Физик Игорь Гарин рано стал доктором наук и профессором, он является лауреатом Государственной премии, одним из немногих в Украине фигурантов престижных американских справочников «Five Hundred Leaders of Influence» и «International Directory of Distinguished Leadership». Но и в науке у него всё — «сверх»: более пятисот опубликованных работ, около ста патентов и тридцати научных монографий. Сфера научных интересов И. Гарина ошеломляет:

— работы в области физики рафинирования металлов и технологии получения веществ сверхвысокой, нередко рекордной чистоты; уже во время

выполнения дипломной работы им получены материалы, содержащие в сумме менее 0,00001% (!) примесей;

- исследования в области физики тонких пленок;
- фундаментальные разработки в области физики прочности и пластичности, а также явления сверхпластичности; Гарин получил в сверхпластичном состоянии малодеформируемые материалы и обнаружил новое явление подавления сверхпластичности высокими давлениями;

- обнаружение нескольких других, ранее не известных явлений в области физики твердого тела;

- он внес значительный вклад в материаловедение реакторных и космических материалов — И. Гарин является крупным специалистом в области физики бериллия, его перу принадлежит около половины всех монографий, написанных в мире по проблеме этого уникального «материала будущего».

Можно дальше перечислять его достижения в области физики твердого тела и современного материаловедения, но вдруг открывается новая неожиданная для физика сфера интересов — теперь уже «медицина будущего». С группой специалистов из Швейцарии, Бельгии, Германии и Украины лаборатория Гарина берется за решение двух приоритетнейших проблем медицины — предотвращение инфаркта миокарда и лечение онкологических заболеваний.

В настоящее время в мире ежегодно производят около полутора миллионов так называемых ангиопластик — нетравмирующих операций по «очистке» коронарных сосудов от холестериновых бляшек, препятствующих питанию сердечной мышцы и ведущих к инфаркту миокарда. Только 60—70% таких операций успешны, поэтому полумиллиону больных приходится вторично делать гораздо более сложную операцию на открытом сердце — шунтирование. Вместе с западными коллегами Гарин и его группа предложили облучать стенки сосудов радиоактивными β -источниками, что резко увеличило процент излечения и на порядок уменьшило количество последующих шунтирований. Для реализации этого метода Гарин с коллегами создал уникальные источники радиоактивного излучения. Будучи тоньше человеческого волоса, что необходимо для обеспечения движения источника по кровеносным сосудам, эти источники воплощают в себе не меньше научных новаций, чем сложнейшие интегральные микросхемы в электронике.

Самый знаменитый в мире микроминиатюрист Николай Сядристый был поражен тем, что наряду с художественными миниатюрами размером в маковое зерно можно создать столь же микроскопические устройства, обладающие к тому же высокой прочностью, гибкостью, герметичностью, упругостью, удовлетворяющие жестким техническим требованиям, предъявляемым к радиоактивным источникам (чего, естественно, не требуется в уникальном искусстве художественной микроминиатюры).

Разработка радиоактивных микроисточников нового типа потребовала от возглавляемых Гариным физиков решения целой связки сложнейших материаловедческих и ядерных проблем. В этой области им удалось минимум на десятилетие опередить подобные исследования за рубежом.

Для лечения онкологических заболеваний группой Гарина совместно с швейцарскими медиками и учеными предложен новый метод брахитерапии — облучения опухолей «изнутри»: в злокачественное новообразование больного, используя томограф и разработанные Гариным микроинструменты, вводят несколько десятков тонких игл, по которым внутрь опухоли роботы доставляют миниатюрные радиоактивные источники, и сеансы радиотерапии осуществляют практически без поражения здоровых тканей.

Я знаю, что в настоящее время Гарин увлечен еще несколькими идеями — созданием растворимых стентов и лечением атеросклероза методами, ранее применявшимися в онкологии. Речь идет о подавлении прорастания травмированных клеток кровеносных сосудов и перекрытия тока крови в них.

Здесь тоже можно было бы продолжать далее, но в капитальном проекте, предпринятом издательством «ФОЛИО», перед нами далекий от всего перечисленного новый Гарин — писатель-энциклопедист, в одиночку «перелопативший» мировую культуру с целью, как говорит он сам, реставрировать всё разрушенное тоталитаризмом.

Творчество Гарина-писателя нельзя исчерпать даже настоящим, по существу, энциклопедическим изданием. «За бортом» остается его 10-томное исследование «Тоталитаризм» (или «Иехуизм» — достаточно оригинальный неологизм Гарина), многотомное сочинение «Русский феномен», серия книг, объединенных словами «Что такое...», а также поэзия, эссеистика, публицистика (под десятком псевдонимов Гарин много публиковался и в прибалтийской периодике конца 80-х—начала 90-х годов). Кроме того, его сорокалетние «заготовки» и «наработки», насколько мне известно, далеко не исчерпаны и ждут своей очереди.

Чем интересно творчество Игоря Гарина? Прежде всего — широтой охвата. Если он пишет, скажем, о Джеймсе Джойсе или Федоре Достоевском, то можете быть уверенными, что наряду с точкой зрения автора вы познакомитесь со множеством иных видений проблемы, так что каждая персоналия будет широко представлена в контексте мировой культуры.

«Переписывание» культуры, как «переписывание» историками истории, физиками физики, философами философии, необходимо для непрерывно происходящей переоценки ценностей, подготовки новой парадигмы, нормальной эволюции знания. В своих книгах о великих ученых Гарин наглядно демонстрирует, что Исаак Ньютон, Чарльз Дарвин, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн не были открывателями новых законов природы и формул, которые им приписывают, — они сделали гораздо большее: из разрозненных

фрагментов построили величественное здание новой науки, увидели мир в новом, неожиданном ракурсе. Для эволюции познания это гораздо важнее и сложнее, нежели открытие конкретных законов или написание новых формул.

Другая особенность творчества Игоря Гарина — многовидение, предоставление права голоса даже заклтым оппонентам (видимо, из опасения, что истина ускользнет в задоре неприязни к ним). Гарин-критик — вопреки его собственной концепции любви к критикуемому — бывает беспощаден и зол, но чего у него не отнять, так это способности разносному в пух и прах дать слово.

Еще одна особенность, кстати, отмеченная Юрием Нагибиным в первой статье о Гарине, — новые, адекватные содержанию и мировидению автора стиль и жанр. Перед нами афористические фрагменты, заряженные всей мощью человеческих эмоций, живым человеческим чувством. У своих «героев» — Августина, Рабле, Монтеня, Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйера, Ницше, Джойса — сухарь-физик Гарин заразился страстностью, художественностью, изобретательностью, светом рая и темным огнем ада. Самые сложные проблемы религии, философии, этики, эстетики, науки Гарин оживляет иронией, сарказмом, радостью и гневом, восхищением и проклятием. Страстность, даже предвзятость и, возможно, тенденциозность — отличительные черты этого человека, парадоксальным образом сочетающиеся в нем с рассудочностью и терпимостью.

Книги Гарина вызывающе неакадемичны: можно даже слышать упреки в отсутствии ссылок, замалчивании имен, фрагментарности, запутывании псевдонимами, запрятанных в тексте секретов и символах, но — удивительным образом — по содержательности и охвату они на равных конкурируют с учеными трактатами, явно превосходя последние горением сердца.

Кстати, следуя его принципам, не назову настоящей фамилии Гарина и я («А ну-ка, поищите, кому интересно!»), только отмечу, что ему удалось соединить, казалось бы, несовместимое: интеллектуальную глубину с художественностью. Фактически все его книги — грандиозная эпопея о человеческом духе, в которой исторические пространство и время дополнены художественным, личностным измерением. Для него важно, чтобы религиозная, философская этическая, даже научная проблематика персонифицировалась, приобретала вдохновенно-пророческую окраску.

В книгах Гарина много места уделено игре, шифрам, рефлексии. Они ироничны, гротескны, полны жизни и мощного биения духа. Комментируя эту особенность творчества Игоря Гарина, Юрий Нагибин писал: «Кажется, ты присутствуешь в том тайном месте, в той божественной кухне, где зарождается мысль, где она набирает мускулатуру, оформляется в идею, концепцию, одаряющую мир новым светом... Ты держишь руку на пульсе мысли, ощущая то более сильные, то слабеющие удары, смену ритма, перебой,

и вдруг — тугую мощь упорядоченной полноты». Эта мысль явно навеяна пассажами самого Гарина, то и дело прерывающего повествование такого рода «выкриками»: «Читатель! Раствори душу! Открой сердце! Отбрось рассудочность! Вживись! Вживись в горячую трагичность обнаженных нервов, в чужую скорбь, скорбящую о скорби, — своей и чужой, в непреодолимую закрытость миру и в высочайшую духовность — в травимого и затравленного всеми эпохами изгоя. Вживись! И да возблагодарится...»

Книги Игоря Гарина не просто полемичны, но, если можно так выразиться, эпатажны, где-то дерзки. Автор не страшится «подставиться», более того, все время провоцирует читателя, бросает ему вызов. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть авторскую преамбулу к книге «Что такое философия?»...

Редкостные особенности текстов И. Гарина — мозаичность и афористичность. Следуя традиции — не побоюсь этих великих имен! — Монтеня, Паскаля, Ларошфуко, заряжая фразу мощной энергией мысли, насыщая книги идеями, вплетая в художественную ткань повествования заимствованные максимы, автор создает ошеломляющий эффект пиришества духа, изысканности, интеллектуальной напряженности, побуждающей читателя к сотворчеству, ответной мыслительной реакции.

Книги его иногда трудно читать, ибо они держат нас в состоянии приобщения к таинству мудрости, проникновения в истоки мысли. Но, привыкая к модернистской барочности мыслительной мозаики, мы становимся обогащенными, заряжаемся энергией каждой книги, приобщаемся к мудрости веков.

Книги Игоря Гарина не требуют чтения от начала к концу, их можно открывать на любой странице, ограничивать знакомство несколькими фрагментами с тем, чтобы через какое-то время вернуться за новой порцией.

Афористичность практически всех его книг диктовалась не столько попыткой выработки собственной стилистики, сколько способом их написания: все эти книги на протяжении десятилетий, как он сам рассказывает, «писались в стол», собирались из отдельных «стеклышек», «копились», как коллекционеры подбирают марку к марке и монету к монете. Перед нами — действительно литературная коллекция, паноптикум идей, музей мысли, в котором не обязательно знакомиться со всеми экспонатами «вещь за вещью».

Книги И. Гарина музыкальны, в них не просто много говорится о музыке, но сами они музыкально инструментированы, ритмичны и атональны, динамичны, дисгармоничны: музыкальная композиция, переплетение мелодий, выразительность голосов... Вспоминается Э. Т. А. Гофман: «Разве дух музыки, как и дух самого звука, не пронизывает всю природу, как она лежит перед нами? Слушать — это видеть изнутри, и поэтому для музыканта зрение становится внутренним слухом, сокровеннейшим

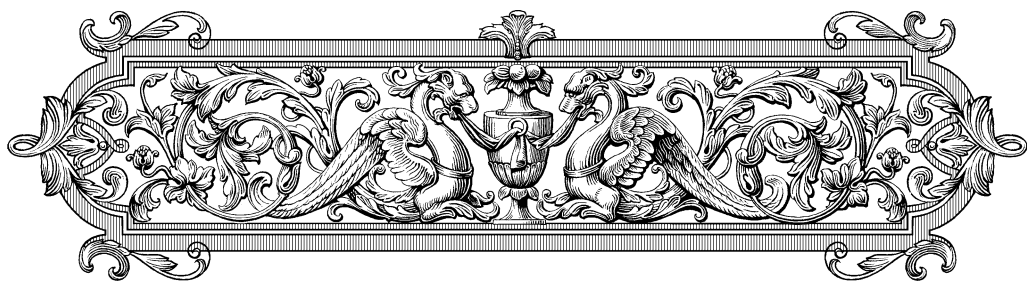

сознаванием музыки, которая вибрирует сообразно с движением его духа и звучит во всем, что только усмотрено его глазом» — характеристика, в равной мере относящаяся к симфонии и симфоническому по существу литературному тексту.

Музыкальная параллель может быть переведена в философскую: крупнейший философ XX века Мартин Хайдеггер считал мудреца распахнутым Бытию, способным слышать зов Бытия. Увы, многие профессиональные философы, как показала наша печальная практика, были глухи к этому зову, и этот «дефект слуха» компенсируют такие не-философы, как И. Гарин. В общем, этот казавшийся невозможным проект имеет свои плюсы и минусы, но его результат — налицо: он перед Вами!

*А. В. Кириш,
заслуженный экономист Украины,
постоянный читатель книг И. Гарина*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много лет тому назад, в начале 60-х, я работал над своей первой монографией по физике. Для уточнения информации по интересующей меня проблеме я оказался в спецхране главной библиотеки страны. Для несведущих: попасть в спецхран вовсе не значило получить доступ к его фондам. На каждую книгу и журнал следовало «пробить» специальное разрешение — так и хочется сказать — Министерства Правды. Но министерство это, проще говоря, охранка, не смогло преодолеть фундаментальную трудность: книги можно запечатать в сейфы, но каталог спрятать нельзя, теряется смысл заведения, ведь не скажешь библиотекарю: дайте мне то — не знаю что. Таким образом я получил возможность узнать, что же прячут в спецхране «слуги» от «хозяина страны», его величества народа.

Надо сказать, что уже в старших классах школы я смутно сознавал, в какой стране живу, — слишком густой была ложь, слишком явным насилие. Позже я понял, что оболваненным народом легче управлять, но степень оболванивания, тотальность зомбирования постиг, лишь роаясь в каталоге «13 отдела», гебистского спецхрана: человеческая культура, мудрость веков, величие мысли были похоронены на еще одном погосте КГБ, кладбище уже не тел — самого духа человечества.

Меня потрясло не только огораживание народа от культуры, но подвижничество участие интеллигенции в этом процессе: «образованщина» стала главной распорядительницей похорон — она определяла, кого зарывать и по какому разряду. Не довольствуясь содеянным и не прячась, в тысячах и тысячах книг, нередко написанных на своеобразной «фене», она разъясняла, почему и за что следовало «мочить» лучших из лучших.

Тогда-то я начал писать «в стол» свой «Архипелаг ГУЛАГ» — снова-таки относящийся не к телам конкретных людей, но к творческому духу мира.

Этот труд перед тобой, мой читатель.

Немного о том, как создавались эти книги и какие цели автор ставил перед собой. Создавались они на протяжении сорока лет и все одновременно. Разделение по темам и томам осуществлялось непосредственно перед подготовкой конкретной книги к печати. Я собирал материал и лишь в «последний момент» сортировал его по рубрикам. Поэтому, говоря о Джойсе, Ницше, Кафке или Элиоте, включал в разговор мировую культуру, давал слово всем, кого знал. Фоном моих Данте, Шекспира, Достоевского, Толстого стала, таким образом, мудрость мира.

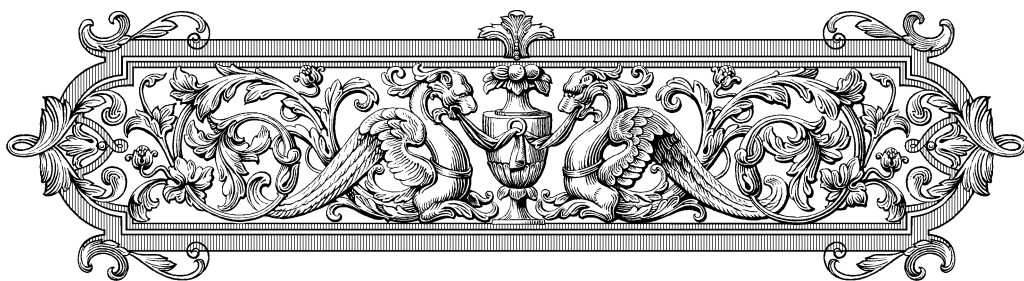
Я никогда не претендовал на право сказать все самому — моей задачей и целью было дать слово пророкам и поэтам, временам и весям. Обилие втяжек — дань тем, кто мудрее и глубже меня, тем, пред кем преклоняюсь.

Таким образом, мои книги — труд коллективный, разве что *таких* соавторов до меня никто и никогда не имел. Низкий им поклон...

Мои книги — реставрация, нет, возрождение из пепла пластов культуры, разрушенных, изничтоженных, стертых коммунизмом. Естественно, выполнить этот труд в одиночку было немыслимо — для того-то я обратился за помощью к «пророкам и поэтам».

Я не страдаю мегаломанией — разве что маниакальной страстью к очищению, рафинированию от скверны (уже не металлов, которыми я профессионально занимался, но — людей). Я знаю, что книгами не спасаются — спасаются верой, как учил Лютер, но книги как бы присутствуют при спасении, ведь все веры и религии начинаются с Книги. Я никого не стремлюсь «обратить», «пробудить», «просветить», «позвать за собой» — предприятие это опасное и неблагодарное. Свою миссию я буду считать исполненной, если книги эти будут читаемы, востребуемы, полезны. Каждый человек — грандиозный мир, который нельзя исчерпать никакими книгами. Но строительство, одухотворение этого мира невозможно без книжности, духовности, причастности к тому, что человека породило, — к мудрости веков, к накопленным сокровищам культуры.

ЧАСТЬ I

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Знаю все, что было, все, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.

М. Цветаева

В моей душе, как в глубях океана,
Несчетность жизней, прожитых в былом.

В. Брюсов

По своей этимологии слово *cultura* восходит к латинскому *colere* (возделывать, обрабатывать) и первоначально означало «возделывание земли», «обработку почвы». Цицерон в письме Тускулану впервые использовал это понятие в сочетании с «духом»: *cultura animi autem philosophia est* (культура духа есть философия). Цицерон писал, что разум необходимо возделывать так же, как крестьянин возделывает почву. Видимо, с этого времени термин *cultura* изредка употреблялся для обозначения процесса духовного совершенствования людей, преобразования внутреннего мира человека с помощью философии, искусства и морали. По крайней мере с XVII века *cultura* употребляется как синоним уровня духовных и практических навыков народа.

Латинскому слову «культура» в древней Греции, видимо, соответствовала «пайдейя». В Японии и Китае «культура» описана понятиями «бунка» и «вэньхуа», означающими «развитие вечного этического принципа, заложенного в иероглифике», палийское слово «ваттанатхам» означает «развитие благоприятного поля (дхармы)».

Уже Платон в своих последних работах наслаждался игрой двух одинаково звучащих слов: *παιδεία* — культура и *παίδιά* — игра, шутка, жизнерадостность, ребячество. Свой собственный философский труд он сравнивал с трудом корабеля, налаживающего киль культуре.

Киль культуры, душевный склад, который ее поддерживает, придает ей равновесие, и есть эта серьезная шутка, точная шутка, напоминающая

силовую игру, спорт, — если, подобно мне, понимать последний как усилие, но усилие, в отличие от работы, не навязанное, не преследующее выгоды, а проявляющееся свободно, как роскошь, которую нам нравится себе позволять, которая приятна сама по себе. Как говорил Гёте:

Песнь, льющаяся из груди,
Лучшая награда для певца.

Культура рождается и живет, цветет и приносит плоды в добром — жизнерадостном — расположении духа. Серьезность придет позднее, когда мы овладеем культурой или той ее формой, к которой мы имеем отношение, в данном случае — философией. Но пока — жизнерадостность. К тому же нельзя сказать, чтобы этот душевный склад не пользовался уважением; припомните, что жовиальность — то состояние духа, в котором пребывал Jove, Юпитер. Воспитывая в себе жизнерадостность, мы подражаем олимпийцу Юпитеру.

В Платоне на склоне лет вновь расцвела ирония его учителя Сократа. И эта ирония, эта столь действенная двусмысленность принесла самые ироничные плоды: случилось так, что по спискам, в которых дошли до нас последние книги Платона, можно заметить, что переписчик уже не знал, когда писать «*paideia*», «культура», а когда — «*paidia*», «шутка».

В древней Элладе образованность, воспитанность (пайдейя) ассоциировались с гражданской доблестью, стремлением к свободе и противостояли варварству, грубости, темноте.

В Средние века слово «культура» скорее всего отождествлялось с городским укладом жизни, несло в себе приблизительно такое же содержание, как теперь понятие «цивилизация». Не исключено также, что под «культурой» понималось «образование», возможность индивидуального духовного развития. В эпоху Возрождения культура интерпретировалась как полнота гуманистического идеала человека, еще — уровень умственных способностей.

До XVIII века понятие *cultura* использовалось преимущественно в словосочетаниях, в которых означало совершенствование или функцию чего-либо: *cultura juris* (выработка правил поведения), *cultura scientiae* (приобретение знаний), *cultura litterarum* (совершенствование языка) и т. п. Иными словами, на протяжении длительного времени термин «культура» не имел самостоятельного применения и употреблялся как «культура чего-то» — культура ума, культура духа, культура языка и т. д. Эти словосочетания часто использовали Томас Мор, Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс, Барух Спиноза.

Самюэл Пуфендорф в трактате *De jure naturae et gentium* (1684), видимо, впервые использовал понятие «культура» в современной трак-

товке — как самостоятельное понятие, как то, что создано человеком в дополнение и противопоставление природе.

Человек находит свое личное счастье только в обществе. Только оно делает возможным развитие способностей, вынуждает к обработке земель, к изготовлению одежды, к строительству жилищ, к привлечению в помощь животных; оно создает тем самым возможность удобной жизни.

Таким образом С. Пуфендорф включил в понятие «культура» сумму идей и благ, созданных человеком в процессе научения и преобразования природы (общественные институты, изобретения, технические совершенствования, язык, знания, нравственность). Культура у С. Пуфендорфа является результатом человеческой деятельности, человеческого общения и человеческих потребностей вообще.

Л. А. Орнатская:

Отмечая роль Пуфендорфа в популяризации и расширении понятия «культура», следует подчеркнуть, что именно у Пуфендорфа культура впервые выступает не только как процесс усовершенствования, но и как состояние, ступень развития творческих способностей общества, которое оценивается им как положительное для совершенствования человека и всего человеческого рода. Обогатив понятие «культура» ценностным содержанием, Пуфендорф поставил его в тесную связь с мировоззрением. В различных философских системах это понятие отныне начинает играть очень важную роль, особенно при выяснении уровня господства человека над природой и попытках определить сущность исторического прогресса. Хотя Пуфендорф не делал культуру и понятие «культура» предметом специального исследования, его концепция культуры и сформулированное им понятие «культура» оказали большое влияние на философов и историков, особенно в Германии, где Лейбниц на рубеже XVII — XVIII веков употреблял термин «культура» уже в наполовину германизированной форме (Cultur). Значительную роль в популяризации понятия «культура» сыграл другой немецкий просветитель — Адельунг, который впервые вводит это понятие в заглавие своего основного труда — «Опыт истории культуры человеческого рода». Согласно Адельунгу, культура (Cultur) — это «переход из более чувственного и животного состояния в тесно переплетенные связи общественной жизни. Совершенно чувственное, т. е. совершенно животное состояние, истинное состояние природы есть отсутствие культуры». Чем ближе общественные связи к этому состоянию, тем менее значительна и тем слабее также и культура.

Немецкие просветители рассматривали культуру как форму поддержания религиозной традиции. И. Г. Гердер, например, видел в культуре архетип чело-

веческой духовности, освященной библейским преданием. Гердер ввел в понятие культуры человеческое измерение: культура — цель и средство формирования нравственного образа действий личности, способ сохранения человеческой природы, творчества человека.

Термин «философия культуры» введен в начале XIX века немецким романтиком Адамом Мюллером. Со временем культурология, точнее сказать, культурфилософия стала разделом философии, исследующим природу и значение культуры, ее структуру и функции.

Можно сказать, что И. Г. Гердер и А. Мюллер дополнили философию и науку культурологией — философией и наукой, касающейся самого человека, его истории и творчества.

...Воспитание человеческого рода — это процесс и генетический, и органический; процесс генетический — благодаря передаче традиции, процесс органический — благодаря усвоению и применению переданного. Мы можем как угодно назвать этот генезис человека во втором смысле, мы можем назвать его *культурой*, то есть возделыванием почвы, а можем вспомнить образ света и назвать *просвещением*, тогда цепь культуры и просвещения протянется до самых краев земли... Различие между народами просвещенными и непросвещенными, культурными и некультурными — не качественное, а только количественное. Через культуру обнаруживается в истории тот мировой «порядок», которым пронизано все мироздание. Благодаря культуре человек не исключается из природы, а образует высшее и заключительное звено в ее развитии. Цель этого развития — счастье каждого человека, то, что Гердер называет гуманностью. «Исследовать дух гуманности — вот подлинная задача *человеческой философии*... она являет себя и в общении людей, и в государственных делах, и в науках, и в искусствах».

В большинство европейских языков, включая славянские, слово «Cultur» пришло в незапамятные времена из немецкого (исключениями, видимо, являются английский и французский языки, всегда стоявшие в оппозиции немецким источникам). Удивительной особенностью этого понятия является его неопределенность: хотя всем ясно, что приблизительно выражает этот термин, никто не может определить вкладываемое в него содержание. Здесь полная аналогия с понятием «время», которое кажется ясным до того момента, пока не делается серьезная попытка определить сущность того, что пытается обозначить этот термин.

Термин «культура» многозначен не только в широком смысле слова (культура микроорганизмов, цивилизация муравьев или термитов, культура растений, масличные культуры, культурный слой земли и т. п.), но и в смысле присущего

человеку способа культурного существования, возвышающего его над животным миром — предмета настоящего рассмотрения. Культура — многогранная и многоуровневая система человеческого бытия, которая включает в себя разноплановые аспекты, отвечающие многочисленным определениям этого феномена.

Количество дефиниций культуры огромно как по причине полифункциональности этого понятия (философия, социология, этнография, история, религия, этика, образование, воспитание, искусство, труд, физическая культура, политическая культура, культура чувств, культура мышления и т. д.), так и в силу многозначности феномена в любом его «узком» понимании.

О многообразии подходов к культуре, как фундаментальной категории, свидетельствует систематика А. Крёбера и К. Клакхона, которые разделили ее определения, по меньшей мере, на десять групп:

- описательные (сумма всех видов деятельности, обычаев, верований человека, всего, созданного людьми);
- исторические (традиции, культурное наследие, накопленные ценности);
- нормативные (жизненные правила, образ жизни);
- ценностные (материальные и духовные ценности);
- психологические (духовное приспособление людей к природному окружению, все результаты, извлеченные из такого приспособления);
- образовательные (обучение навыкам, поведение, приобретенное путем научения);
- структурные (социальные институты, организующие культуру, системы, созданные для удовлетворения человеческих потребностей);
- генетические (все, передаваемое от поколения к поколению по наследству: орудия, символы, взгляды, верования);
- социальные (продукты социального взаимодействия);
- идейные (сумма идей, воспринятых и осознанных человеком, а также передаваемых друг другу);
- символические (организация явлений, предметов, действий, идей, связанная с употреблением символов).

Я бы сказал, что культурология, в силу огромности изучаемого предмета, является дисциплиной вопросов, а не ответов, проблем, а не решений. Что такое культура? Как и когда она возникает? Какие человеческие потребности привели к «началу» культуры? Что считать таким началом? Враждебны или гармоничны связи между культурой и натурой (природой)? В какой степени поведение человека обуславливается генетическими и культурными факторами и как соотносятся культурная и природная эволюции? Чем, какими факторами определяется уровень культурного развития? Чем объяснить несоизмеримость уровней различных культур? В чем причина многообразия культур? Стояла ли в истоке истории некая единая, универсальная культура или культурная раздробленность была фундаментальной, изначальной? Как возник-

ла такая раздробленность и есть ли тенденция к синтезу, объединению, глобализации культуры? Что лежит в основе специфики разных культур, из каких источников они черпают свой неповторимый аромат? Можно ли говорить о «генетике» культуры? Возможны ли «евгенические» манипуляции над ней? Какая культура ближе к человеческой природе, к запросам личности? Каково соотношение личности и культуры? Почему культура, будучи продуктом человеческой деятельности, может оказаться враждебной человеку? Действительно ли современная культура противостоит человеку в качестве обезличенной силы или мы имеем дело с очередным кризисом культуры? Гарантирует ли развитие культуры совершенствование человека? Становится ли человек в процессе культурной эволюции более прогрессивным? Компенсируют ли преимущества культуры ее чудовищные преступления — войны, экологические катастрофы, обезличивание человека, геноцид, террор и т. п.? И не есть ли культурный прогресс ростом и углублением организованного господства общества над личностью, усилением агрессии, накапливающейся в обществе? Не является ли сама агрессивность феноменом стресса, связанного с культурной экспансией? Прогрессирует ли культура или действительно, как считает Б.-А. Леви, является «однообразным и линейным прогрессивным движением ко Злу»? Действительно ли в настоящее время культурная ситуация меняется к худшему, исчезли ли все харизматические и энциклопедические мыслители и великая культура теснится под натиском масс-культуры? Действительно ли стеснительные условия человеческого существования благоприятствуют всплеску культуры, появлению ее новых форм? Действительно ли в процессе своего развития культура истощает свой творческий потенциал, вульгаризируется и закатывается, по выражению О. Шпенглера, терпит брэйкдаун, по терминологии А. Тойнби? В чем проявляется отношение между культурой и цивилизацией, является ли переход к цивилизации свидетельством упадка культуры? Действительно ли движущими силами культуры являются антагонизмы, конкуренция, неравенство? Что обуславливает типологию культур? Каковы главные движущие силы культуры? Какова роль сознательных и бессознательных факторов культуры? Каково соотношение умозрения и откровения в культурном становлении? Что такое самобытность культуры и возможно ли сплавлять культуры? Необходимо или опасно культуртрегерство? Способен ли «плавильный котел» из своеобразных культур переселяющихся народов создать нечто новое, целостное и уникальное? Двигается ли культура к «глобализации» или, наоборот, усиливается культурное своеобразие? Ведет ли взаимодействие культур к их обогащению или порче, утрате уникальности? Как должен вести себя индивид перед фактами глобализации или распыления культуры? Каковы исторические судьбы культуры? Преходяща ли культура? Не может ли она, по словам Томаса Манна, раствориться в чем-то высшем? Является ли развитие науки и техники фундаментальным фактором, обуславливающим эволюцию культуры? Является ли «индустриальное общество» высшей стадией культурного роста? Какое воздействие оказывает культурный процесс на общественную динамику? Что приносит культуре движение истории? Какова роль тра-

диции в передаче совокупного духовного опыта, какое воздействие оказывают диалог и конфликт культур на социально-исторический процесс, пути глобализации культуры, специфику философского постижения культурных феноменов? Если происходит глобализация культуры, как она отражается на ее качестве, творческом духе, темпах развития? Если глобализации не происходит, то куда эволюционирует форумность культуры? Является ли компьютеризация, создание виртуальной мировой сети средством преобразования культуры и «отладки» связей, складывающихся между представителями разных культур? Является ли самобытность культурной ценностью или препятствием к глобализации? И снова-таки, разрушает ли компьютеризация сложившуюся культурную палитру или, наоборот, обогащает ее? Имеет ли право на существование киплинговская идея противостояния Востока и Запада или различия между культурами незначительнее их общности?

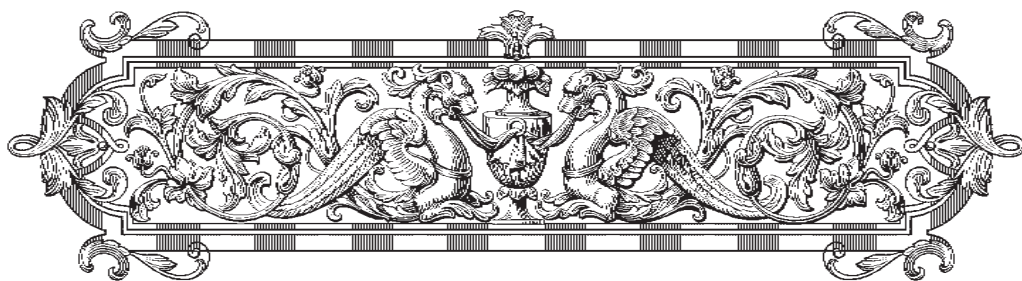
П. С. Гуревич:

Человечество едино и многолико. Развиваясь по общим социальным законам, оно вместе с тем делится на многочисленные социальные общности. Среди них особое место занимают народы (этноты), которых сейчас насчитывается более двух тысяч — от многомиллионных народов до этнических групп по несколько сот человек. Каждый из них обладает самобытными чертами образа жизни, внес свой вклад в мировую цивилизацию.

Пестрота национальной структуры человечества придает сложность ее динамике — национальным и культурным процессам. Все народы мира проживают примерно в 160 государствах, большинство которых, следовательно, многонациональны. Все это придает своеобразие различным сферам — от экономики до психологии. Процессы эти протекают в различных социальных условиях и по-разному. Стало быть, единая культура человечества на самом деле распадается на множество национальных, локальных культур.

В условиях современных идейных размежеваний одни западные исследователи убеждены в податливости, сговорчивости «иных» культур, готовых влиться в единое индустриальное русло, обеспечивая таким образом полную универсализацию капиталистического пути развития. Другие авторы, напротив, говорят о мироотрицающем психологическом настрое, возникающем будто бы в результате случайно сплетенных «нитей культуры», о катастрофических результатах умышленного или непредвиденного наложения друг на друга несовместимых систем сознания, ценностных ориентаций, национально-психологических черт и особенностей.

Что значит мыслить культурно? Запрограммирована ли культура? Последнее ли дело — культура, как выражался Н. А. Бердяев?

СОДЕРЖАНИЕ

Мудрец нашего времени. А. В. Кириш	5
Предисловие	11

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА?

ЧАСТЬ I

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ	14
Свойства культуры, или путем зерна.....	30
Природа и культура, или <i>opus contra naturam</i>	48
Культура и религия.....	57
Культура и знание.....	65
Культура и личность.....	74
Эволюция культуры.....	81
Что такое цивилизация?.....	88
Глобализация или плюрализм?.....	90
Кризис культуры?.....	103
<i>Наши</i>	121
Время.....	133

ЧАСТЬ II

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРОЛОГИИ	141
Кант	144
Гегель.....	145
Ницше.....	151
Шпенглер	154
Вебер.....	159

Фрейд	160
Хейзинга	166
Сорокин	169
Ортега-и-Гассет	170

МУДРЕЦЫ ДРЕВНОСТИ

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ	174
От Микен до Афин	179
Миф и логос	187
Ничья земля, или любить мудрость	198
Лучше быть, чем иметь	206
Мультиверсум	209
Античная философия	215
Начало	223

ФАЛЕС	236
Анаксимандр и Анаксимен	241

ПИФАГОР	246
Гармония как число	251
Орфико-пифагорейское учение о душе	257
Наследники Пифагора	259

ГЕРАКЛИТ	262
Учение	272
«Тёмный» или «светлый»?	275
Влияния	278
Не мне, но логосу внемля... ..	282
Вечно живой огонь	288
Огонь и душа	291
Многие — плохи, немногие — хороши	293
Этика, эстетика	295
Немыслимо вне времени	297

ЭМПЕДОКЛ	301
Жизнь Эмпедокла	305
Отступление об уходе Лао-цзы	309
Загадка Эмпедокла	310
Космология	316
Путь души	320
Путь Эмпедокла	324

ПРОТАГОР	327
Первый софист	332
Человек — мера всех вещей	335
Горгий	338
 СОКРАТ	344
Из глубин	345
Мудрость как ересь	351
Клянусь псом	353
Суд	361
Роды души	369
Отступление о человеческой душе	375
Штурм познания во имя морали?	377
Итоги	380
 ПЛАТОН	386
Тиртам, или соневольник лебедей	399
Два Платона	410
Стольность	416
Учение о душе	436
Эйдос и эйкон	439
Диалог, диалогичность, диалектичность	442
Этика, эстетика	446
Философ или поэт?	452
От числа до мироустройства	455
«Государство» и «Законы»	458
Платон и Россия	471
Трагедия Платона	475
Время	478
 АРИСТОТЕЛЬ	481
Жизнь Аристотеля	484
Властитель наук	494
Платон мне друг, но истина дороже	508
Тридцать пять флорилегий и одно стихотворение о телеологии	514
Физика, метафизика, логика	521
In medio stat virtus	529
Эстетика	532
Политика	535
Время	543
 ЭПИКУР	547
Жизнь Эпикура	550

Философия бессилия или философия отчаяния?	556
Физика	562

СТОИКИ	566
Зенон	568
Драматическое отступление. «Адам-творец»	574
Этика	585

КИНИКИ	589
Антисфен	592
Диоген Синопский	594

СКЕПТИКИ	598
Пиррон	603
Аркесилай, Карнеад, Энесидем	607
Секст Эмпирик	612
Время	615

ПЛОТИН	626
Жизнь в эмпириях	626
Жизнь Плотина	634
Еще о духовности	638
Философия первоначал	640
Высшее благо	642
Мировая душа	647
Этика	651
Эстетика	652
Религия	653
Intelligenti Pauca	654
Влияния	655
Время	656

ТВОРЦЫ РЕЛИГИЙ

КРИШНА	661
Героическая Индия. Сыны Солнца и сыны Луны	661
Царь Мадхуры	665
Дева Деваки	667
Юность Кришны	670
Посвящение	675
Учение посвященных	681
Торжество и смерть	684
Сияние божественного глагола	692

БУДДА	696
Введение	696
Жизнь Шакьямуни до открытия им основ учения	709
Сущность учения шакьямуни	716
Учительская деятельность	723
Распространение учения Шакьямуни	731
Последние события из жизни Шакьямуни	735
ЗОРОАСТР	739
КОНФУЦИЙ	756
Юность	762
Общественный учитель	766
Конфуций и Лао-Цзы	769
Чунь-цю	775
Прозорливость	778
Верховный судья	782
Последние годы жизни	788
Триумф	792
МОИСЕЙ	798
Монотеистическое предание и патриархи пустыни	798
Посвящение Моисея в Египте. Его бегство к Иофору	804
Сефер-Берешит	811
Видение Синая	821
Исход. Пустыня. Магия. Теургия	823
Смерть Моисея	831
ИИСУС ХРИСТОС	834
Миссия Христа	834
Мария. Первое развитие Иисуса	841
Ессеи. Иоанн Креститель. Искушение	847
Жизнь Иисуса. Открытое учение и учение эзотерическое. Чудеса. Апостолы. Женщины	858
Борьба с фарисеями. Удаление в Кесарию. Преображение	866
Последний путь в Иерусалим. Обетование. Тайная вечеря. Суд. Смерть. Воскресение	873
Обетование и свершение. Храм	892
МАГОМЕТ	895
Вступление	895
Историческая рамка	896
Ранние годы Мухаммеда, его религиозное призвание	902
Религиозные влияния. Ханифы	905

Поручение проповедовать	908
Сушность ислама. Вера Авраамова. Отношение к другим монотеистическим религиям	910
Взгляд Мухаммеда на самого себя	914
Первые возражения, встреченные Мухаммедом	916
Учение Корана о предопределении и свободе. Вера и добрые дела	918
Учение о будущей жизни	923
Первая проповедь. Первые преследования и обращения	925
Новые преследования и личные несчастья Мухаммеда. Расширение горизонта	929
Первые ансары. Хиджра. Договоры	930
Недовольство Мухаммеда против евреев. Перемена киблы. Повышенное самосознание	933
Идея священной войны. Первые применения ее: битвы при Бедре и Оходе	935
Окопная война и ее следствия	939
Мирный поход к Мекке и договор с корейшитами. Первые шаги за пределы Аравии	941
Окончательное торжество Мухаммеда	945
Смерть Мухаммеда. Оценка его нравственного характера	946
Заключение	950

